

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕРОПРИЯТИЙ ПО СКРЫТНОМУ СОСРЕДОТОЧЕНИЮ ВОЙСК В ХОДЕ МАНЬЧЖУРСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 1945 Г.

9 августа 1945 г. Советский Союз объявил войну милитаристской Японии и фактически за неделю разгромил одну из крупнейших её группировок войск – Квантунскую армию. Хотя в ряде стран Запада и, особенно, в Токио сегодня ставят под сомнение закономерность вступления СССР в войну, не вдаваясь в подробности, отметим, что её возникновение обуславливалось объективно существовавшей с 1931 г. японской угрозой советскому Дальнему Востоку, активной помощью Токио странам фашистского блока в ходе Великой Отечественной войны и нападением японского флота на американскую базу в Пёрл-Харборе 7 декабря 1941 г., автоматически превратившим империю в государство-агрессора и снявшим с Москвы обязательства по соблюдению условий пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.

Уроки этого конфликта актуальны и сегодня: в случае возникновения угрожающей ситуации на Дальневосточном театре военных действий имеющейся здесь межвидовой группировки войск (сил) ВВО будет недостаточно для ведения долговременных оборонительных действий, поэтому устойчивость её обороны и осуществление стратегических наступательных операций будут напрямую зависеть от переброски резервов из европейской части страны.

Как свидетельствуют опубликованные документы, советскому военно-политическому руководству зимой – летом 1945 г., несмотря на активное ведение Квантунской армией всех видов разведки, удалось упредить её в мобилизационном развёртывании и, используя фактор внезапности, перейти в наступление на трёх стратегических направлениях одновременно.

Отправной точкой мероприятий советского руководства по подготовке к военной кампании против Японии стала директива начальника Генштаба от 27 февраля 1945 г. о формировании в составе Дальневосточного фронта (ДВФ) 2 новых стрелковых дивизий. 19 марта Ставка Верховного главнокомандования (ВГК) потребовала от командующего фронтом выделить к 20 апреля самостоятельную Приморскую группу войск, на усиление которой из европейской части направлялись 19 самоходно-артиллерийских дивизионов. Кроме того, 27 марта состоялся приказ наркома обороны об усилении артиллерии группы, согласно которому в апреле – мае на Дальний Восток перебрасывались 264 орудия и миномёта большой мощности. Значительно усиливалась и воздушная мощь: 29 марта начальник Генштаба потребовал от командующих фронтами и ВВС Красной армии перевести штурмовые и истребительные авиаполки трёх воздушных армий на штаты 40-самолётного, а бомбардировочные – 30-самолётного состава, закончив их реорганизацию к 30 июня 1945 г.¹.

Непосредственная переброска войск из числа наиболее подготовленных частей Действующей армии началась одновременно с капитуляцией Германии. Уже в мае в Приморскую группу убыли 5-я армия (9 стрелковых дивизий, 3 самоходно-артиллерийских полка), на Забайкальский фронт – 39-я армия (9 стрелковых дивизий, 3 самоходно-артиллерийских полка), имевшие большой опыт взлома обороны противника на схожих театрах. В июне в Забайкалье отправились 53-я и 6-я гвардейская танковая армии и 5-й артиллерийский корпус. Однако наибольшая интенсивность советских воинских перевозок пришлась на июль, когда с запада прибыли 17 дивизий, 37 бригад и 42 отдельных полка. Всего же на Дальний Восток и в Забайкалье было переброшено 403 355 военнослужащих, 2 119 танков и САУ, 7 137 орудий и миномётов, 17 374 грузовые автомашины, для чего был задействован 222 331 вагон².

Разведывательные органы Квантунской армии и Генерального штаба Японии внимательно наблюдали за состоянием группировки войск нашей

страны на востоке. К весне 1945 г. центральным органом разведки Квантунской армии являлось Информационно-разведывательное управление (ИРУ), которое развернуло вдоль советско-маньчжурской границы сеть оснащённых мощной оптикой наблюдательных пунктов, 13 агентурных отделений с 56 приграничными разведпунктами, 2 резидентуры под прикрытием консульств Маньчжоу-го в Благовещенске и Чите. Кроме того, армии подчинялся Специальный информационный отряд (СИО), осуществляющий непрерывный перехват и дешифровку советской военной радиоперепiski, а по Транссибу постоянно курсировали офицеры разведки ГШ под прикрытием должностей дипкурьеров.

Именно последние и обнаружили в конце февраля начало перебросок советских войск с запада на восток, поэтому 16 апреля в «Секретном дневнике войны» Генштаба Японии появилась запись: «Советский Союз наращивает военные приготовления на Дальнем Востоке. По личным наблюдениям сотрудников маньчжурского генерального консульства в Чите с 1 марта 1945 г. и наблюдениям дипломатических курьеров за первую декаду апреля, Советский Союз начал переброску на Дальний Восток стрелковых соединений, боевых самолётов и танков. С учётом хода советско-германской войны приготовления СССР к войне с Японией в самом разгаре, Разведуправление ГШ даёт такую же оценку». 25 апреля кабинет министров империи пришёл к выводу, что выступление против Японии следует ожидать в сентябре 1945 г.³.

Упомянутые в докладе сотрудники читинской резидентуры, пользуясь тем, что здание консульства находилось в 300 метрах от Транссиба, оборудовали между крышей и потолком секретный наблюдательный пункт и, установив на треножник 20-кратный бинокль, с 29 апреля посменно вели ежедневное наблюдение за железнодорожными перевозками, вскрывая переброску с запада на восток живой силы, танков, артиллерии и авиации⁴.

Кроме того, с мая приграничные отделения ИРУ начали массовый вывод агентов на линию Дальневосточной железной дороги. Как докладывал И.В. Сталину 5 июля 1945 г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия, в мае – июне

разведорганы Квантунской армии активизировали заброску агентов к магистрали для установления переброски частей Красной армии с запада на восток и характера военных перевозок. В спецсообщении говорилось о 18 выброшенных за два месяца агентах, «прошедших специальную подготовку и практическое обучение по определению составов эшелонов, перебрасываемого вооружения, снаряжения и других военных грузов, а также по фотографированию железнодорожных объектов и эшелонов с вооружением», и проводимой на тот момент ИРУ подготовке ещё 300 агентов⁵. Несмотря на предпринимаемые погранвойсками и органами военной контрразведки заградительные меры, ряду из них удалось успешно выполнить поставленные задачи⁶.

Осознав реальность угрозы советского вторжения в Маньчжурию, с конца мая Императорская ставка стала предпринимать чрезвычайные меры по усилению Квантунской армии. 28 мая она приказала командующему Китайской экспедиционной армией отправить управление 1 армии в Маньчжурию, 30 мая – переподчинить Квантунской армии 5 пехотных дивизий и 1 смешанную бригаду из состава войск, дислоцированных в Корее и Китае. 10 июля военный министр подписал приказ о развёртывании в Маньчжурии 8 пехотных дивизий, 7 отдельных смешанных, 1 отдельной танковой бригад, или 40 % всех соединений, входивших в состав Квантунской армии к 9 августа⁷. Отметим, что мобилизация резервистов, доукомплектование частей техникой и их слаживание к началу советско-японской войны фактически опаздали на 1 – 2 месяца.

Кроме того, 5 июля 1945 г. главное командование Квантунской армии утвердило и разослало в подчинённые части окончательный вариант «Оперативного плана боевых действий против СССР». Его главная цель была, «используя обширные территории Маньчжурии, попытаться разгромить наступающего противника, но если обстановка будет складываться неблагоприятно, организовать долговременную оборону с удержанием важнейших районов восточнее Рэнкё (железнодорожная линия Дайрэн –

Синьцзин) и южнее Кэйто (железнодорожная линия Синьцзин – Тумэнь), что позволит императорской армии успешно вести боевые действия на остальных театрах войны в Великой Восточной Азии». На первом этапе войска армии должны были на длительное время задержать советское наступление на рубеже горная гряда Северо-Восточной Кореи – Муданьцзян – Малый Хинган – Большой Хинган – Хэйсэйсэн (железнодорожная линия Сыпингай – Цицикар), после чего главные силы объединения отходили на рубеж восточнее Рэнкё – южнее Кэйто, чтобы как можно дольше сохранять контроль над стратегическими районами Тунхуа и Линьцзян⁸. Расчётное время удержания долговременной обороны в Маньчжурии и Корее определялось армией и Ставкой в 1 год.

Если факт переброски советских войск на восток был своевременно вскрыт японской разведкой, то относительно состава группировки Забайкальского и двух Дальневосточных фронтов, а также срока начала наступательной операции достоверных данных она не имела. Так, в первой декаде мая Императорская ставка сделала следующий прогноз: «Принимая во внимание ограничения, налагаемые на ведение боевых действий зимой, вторжение в Маньчжурию для достижения успеха должно начаться перед сезоном заморозков. Советский Союз задействует группировку войск в 40 стрелковых дивизий, на усиление которой танками, авиацией, боеприпасами и прочей амуницией потребуется 4 – 5 месяцев. Переброска войск и техники началась в конце февраля – середине марта и, с учётом развития нынешней ситуации, их сосредоточение на Дальнем Востоке может закончиться в конце июня – конце июля, после чего, по нашим оценкам, СССР будет способен беспрепятственно начать боевые действия на рубеже августа – сентября». Этот же предполагаемый срок – рубеж лета – осени 1945 г., был озвучен в докладе Ставки высшему руководству империи 1 июля⁹.

Необходимо отметить, что на момент составления этого документа советское правительство ещё не определилось со сроками начала кампании против Японии. Согласно направленным Ставкой ВГК 28 июня 1945 г. в адрес

командующих войсками Дальневосточного, Забайкальского фронтов и Приморской группы войск директивам, от них требовалось к 25 июля – 1 августа закончить «все подготовительные мероприятия по группировке войск, их боевому и материально-техническому обеспечению и управлению с целью проведения, по особому приказу Ставки Верховного Главнокомандования, наступательной операции»¹⁰. Первоначально её планировалось начать 20 – 25 августа, но накануне Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) срок был сдвинут на 11 августа, а окончательное решение о начале боевых действий против Японии – 9 августа, И.В. Сталин принял только 7 августа, практически сразу после атомной бомбардировки американцами Хиросимы¹¹.

3 августа Императорская ставка подготовила последний перед началом советско-японской войны обзор, в котором пришла к выводу, что Советский Союз закончит приготовления к выступлению в конце августа и с большой вероятностью начнёт боевые действия в сентябре. При этом аналитики военной разведки считали, что, исходя из нараставших темпов советских воинских перевозок, в случае, если в нападении будет задействовано 40 стрелковых дивизий, то переброска живой силы, техники и амуниции закончится в конце августа, если же будет использовано 50 стрелковых дивизий – в конце сентября¹².

В связи с предпринимаемыми советской стороной мерами по маскировке сосредоточения и развёртывания войск японцы не смогли точно установить состав группировки 1-го, 2-го Дальневосточных и Забайкальского фронтов. По данным органов военной разведки Японии на 9 августа 1945 г., она насчитывала 45 стрелковых, 1 танковую, 2 кавалерийские дивизии, 20 стрелковых и 30 танковых бригад, 22 авиационные дивизии, тогда как фактически три фронта имели 71 стрелковую, 2 танковые, 2 кавалерийские, 1 воздушно-десантную дивизии, 13 стрелковых, мотострелковых, механизированных, 33 танковые и самоходно-артиллерийские бригады, 29 авиационных дивизий¹³.

По этому поводу командующий 1-м фронтом Квантунской армии Кита Сэйити дал следующие показания в советском плену: «Начиная с марта 1945 г. нами отмечалось прибытие новых советских войск на восток. После поражения Германии переброска войск на восток увеличилась. В отдельные периоды в сутки проходило по 20 воинских эшелонов. Мы считали, что основные силы советских войск собраны в районе Гродеково, где было отмечено 2 армии и, по меньшей мере, 9 – 10 [стрелковых] дивизий. В этом районе накапливалось с середины июля 1945 г. много танков, орудий, транспорта. По сообщениям штаба Квантунской армии было известно, что в июне – июле было также сосредоточено много советских войск в Монголии. В связи с передвижением большого числа воинских эшелонов в июле на линии Чита – Отпор было прекращено пассажирское сообщение. Я считал, что главный штаб советских войск на Восточном фронте находится в Хабаровске. Всего же на востоке у русских 3 фронта: 1-й Дальневосточный – в Приморье, 15-й фронт – в районе Благовещенска и 17-й фронт – Забайкальский.

По нашим разведанным, штаб 1-й [Краснознамённой] армии находился в Ворошилове. 25-я армия была в районе Краскино, 35-я армия занимала рубеж от Хабаровска до Имана. 5-я армия появилась перед нами до начала операций. Про 6-ю [гвардейскую танковую] армию мы узнали только после начала войны. Источниками информации о советских войсках были сообщения штаба Квантунской армии и наших наблюдателей, поставленных на границах фронта. Случаи появления перебежчиков были единичные. Положение на границе оставалось напряжённым и начало войны Советского Союза против Японии мы считали возможным»¹⁴.

Используя фактор внезапности, 9 августа Советская армия начала Маньчжурскую наступательную операцию и завершила разгром японских войск уже через неделю. Почему же, несмотря на сеть приграничных наблюдательных пунктов, отделений агентурной разведки, круглосуточный перехват советских линий радиосвязи и курсирование по Транссибу

разведчиков-дипкурьеров, японскому командованию не удалось своевременно вскрыть состав и сроки выступления группировки противника?

Ещё в 1937 – 1944 гг. пограничными органами НКВД была создана чрезвычайно сложная для прорыва японской агентурой система охраны советско-маньчжурской границы: по её периметру дислоцировались хорошо подготовленные погранотряды, из примыкавших к границе районов было выселено всё население, установлены проволочные, минно-взрывные заграждения, наблюдательные вышки, вспаханы контрольно-следовые полосы, активно использовались служебно-розыскные собаки. В рамках проводимых контрразведывательных мероприятий в приграничных районах выставлялись агентурные заслоны из местного населения («бригады содействия») и военнослужащих, организовывались контрольно-пропускные пункты, засады, подвижные посты, осуществлялись постоянные проверки документов на железнодорожных и водных станциях, дополнительно минировались уязвимые для просачивания агентуры участки государственной границы. Кроме того, в 1937 г. из Приморского края было выселено всё корейское население, а в 1945 г. – все китайские граждане из Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре¹⁵.

Выдвижение войск в исходные районы проводилось под видом учений за 1 – 2 суток до начала наступления. Все передвижения во время перегруппировок, сосредоточения и развёртывания осуществлялись только в ночное время. На отдых и дневники войска останавливались в лесах и лощинах, тщательно маскируя материальную часть. В степных районах Даурии и Монголии танки, автомашины, орудия укрывались в специально отрываемых котлованах, сверху прикрытых масками или брезентом.

Население из приграничной полосы не выселялось, передвижение войск к линии государственной границы происходило с одновременным проведением учений и рассматривалось населением как обычные военные занятия.

Для ввода в заблуждение органов радиоразведки Квантунской армии радиосеть в прибывавших с запада частях работала только на приём, а в большинстве бригад и дивизий радиостанции вообще не включались. В период

подготовки Маньчжурской операции работали только радиостанции ранее находившихся здесь частей и соединений¹⁶. Кроме того, хотя в начале августа 1945 г. СЮО дешифровал несколько телеграмм, из которых следовало, что части 2-го Дальневосточного фронта переводились на довольствие по нормам военного времени, а на Забайкальском фронте заканчивалось сосредоточение танковых войск, тем не менее, накануне начала боевых действий в органах военного управления наступающих группировок были сменены шифроключи, что «ослепило» радиоразведку Квантунской армии.

Таким образом, если скрыть переброску войск из западных районов страны на Дальневосточный театр достаточно сложно в силу близкого прохождения линий железной дороги вдоль границы, наличия на Дальнем Востоке крупной иностранной диаспоры и дипломатических представительств КНР, Японии, США, КНДР и Южной Кореи, непрерывного ведения этими странами космической, агентурной и радиотехнической разведки, то использование криптографически стойкой аппаратуры скрытного управления войсками, ограничение радиообмена в соединениях и частях (в т.ч. по линиям гражданской сотовой связи), усиление режима охраны погранполосы, превентивное выселение иностранных граждан и тщательная массировка районов сосредоточения войск и их выдвижения обеспечат успех проведения наступательно-оборонительных действий, как это доказала Маньчжурская стратегическая операция 1945 г.

Литература и источники

---

¹ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. Т. 11. М.: Кучково поле, 2015. С. 658, 661 – 666.

² Там же. С. 671.

³ Архив Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны (НИИО МНО) Японии. Тюо-сэнсо сидо дзюё кокусаку

бунсё-1190 (С12120327000). Л. 0648; Тюо-сэнсо сидо дзюё кокусаку бунсё-1156 (С12120293700). Л. 0691.

⁴ Харада, Токити. Кадзэ то кумо то сайго-но тёхо сёко. – Ветер, облака и последний офицер разведки. Токио: Дзию кокуминся, 1973. С. 264 – 268.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р9401сч. Оп. 2. Д. 97. Л. 151 – 152.

⁶ Тужилин С.В. Японские военные миссии на советском Дальнем Востоке // Великая Отечественная война. 1945 год: Исследования, документы, комментарии. М.: Издательство ГБУ «ЦГА Москвы», 2015. С. 195.

⁷ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-сакусэн сидо тайрикумэй-98 (С14060916300). Л. 195 – 200; Полутов А.В. Разгром Квантунской армии в августе 1945 г. // Неоконченная война – незаживающие раны: Сборник научных статей. Владивосток: Рея, 2016. С. 77.

⁸ Дайтоа сэнсо кокан сэнси. Дай 73. Кантогун. 2. Кантокуэн, сюсэндзи-но тайсосэн. – Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Том 73. Квантунская армия. 2. Особые манёвры Квантунской армии, война с Советским Союзом в конце войны. Токио: Асагумо симбунся, 1974. С. 368.

⁹ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-сэнсо сидо дзюё кокусаку бунсё-1003 (С12120163700). Л. 0458 – 0459; Тюо-сакусэн сидо сонота-35 (С15120077900). Л. 1118 – 1119.

¹⁰ Русский архив: Великая Отечественная война: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1944 – 1945. Том 16 (5-4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 245 – 247.

¹¹ Там же. С. 249 – 250; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Изд. 2-е. М.: Воениздат, 1975. С. 420.

¹² Национальный архив Японии. Хэнсэки-60003000 (А03032243200). Л. 1 – 11.

¹³ Дайтоа сэнсо кокан сэнси. Дай 73. Кантогун. С. 384; Хаяси, Сабуро. Кантогун то кёкуто сорэнгун. – Квантунская армия и советская дальневосточная армия. Токио: Фуё сёбо, 1974. С. 247.

---

¹⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 369. Л. 54.

¹⁵ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. Т. 6. М.: Кучково поле, 2013. С. 723 – 724; Сисикура, Дзюро. Кантогун самбобу. – Штаб Квантунской армии. Токио: РНР кэнкюдзё, 1985. С. 63.

¹⁶ Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке. Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе – сентябре 1945 г. М.: Воениздат, 1971. С. 134 – 136.